

И. П. ЕРЕМИН

Ораторское искусство Кирилла Туровского

В истории церковной ораторской прозы древней Руси крупным событием было появление в XII в. цикла речей Кирилла епископа Туровского. До нас дошло восемь слов Кирилла, бесспорно ему принадлежащих. Распадаются они на две группы: одни («в неделю Цветоносную» и «на Вознесение») написаны на так называемые двенадцатые праздники, все остальные — на воскресные дни первого круга недель церковного года, начиная от пасхи и до пятидесятницы (приписываемые Кириллу слова этого круга на неделю пятую и на неделю восьмую вряд ли ему принадлежат).

Когда именно был составлен цикл? Ответ на вопрос этот дает, как кажется, слово пятое. В конце его читается несколько неожиданно, если учесть контекст, выпад против каких-то церковников: «...по восприятии же всякого священнаго сана горе согрешающему, реку же по мнишестве, и по иерействе, и в самом епискупстве не боящимся бога!». Выпад этот близко напоминает даже по форме аналогичные предостерегающие строки «Притчи о душе и теле» Кирилла, направленные против его современника — ростовского епископа Феодора. Это дает основание отнести данное слово, а быть может и весь цикл в целом, к 60-м годам XII в.

Слова Кирилла Туровского — слова особого характера, предусмотренного церковным уставом; они предназначались для произнесения в храме, в присутствии молящихся, в торжественной обстановке праздничного богослужения.

Содержание слов традиционно, как традиционен и сам праздник, ежегодно отмечаемый. В каждом слове последовательно развиваются одни и те же темы: «похвала» празднику, разъяснение его религиозного смысла, воспоминания о событии, в честь которого праздник установлен.

В жестких рамках этого заданного содержания Кирилл Туровский, однако, сумел написать произведения, которые надолго приковали к себе внимание древнерусского читателя.

Речи Кирилла замечательны прежде всего тем, что они полностью соответствуют своему назначению: каждой строкой они создают атмосферу необыкновенного по подъему праздничного ликования. Не случайно «веселие», «радость» — слова, в особенности часто употребляемые Кириллом. Речи свои сам он рассматривал как составную часть праздничной литургии, как «соло» в хоре, как «песнь» в честь праздника (как *φῶν, ὕμνος*, говоря терминами его греческих литературных предшественников). Показательны в этом отношении строки, которыми завершается слово «в неделю Цветоносную»: Кирилл призывает слушателей присоединиться к нему — «песнями», как цветами, увенчать храм.

Литературную свою задачу Кирилл обычно определял следующими словами: «прославити» (праздник), «воспети», «возвеличити», «украсити словесы», «похвалити». В словах этих — ключ к пониманию художественной природы его речей. Они верный знак, что Кирилл, составляя речь, решающее значение придавал ее стилистическому оформлению.

Слова Кирилла Туровского — произведения риторического искусства, очень сложного и тонкого, корнями своими восходящего к праздничным «декламациям» античных софистов.

Основным художественным принципом стилистического строя слов Кирилла, подчиняющим себе все изложение, является риторическая амплификация. Та или иная тема у него всегда словесно варьируется, распространяется до тех пор, пока содержание ее не будет полностью исчерпано. Там, где в рядовой речи достаточно одного слова, одного словосочетания, у Кирилла их значительно больше — пять, десять, пятнадцать. Тема развертывается до отказа, раскрывается во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках.

В результате последовательного применения этого художественного принципа тема у Кирилла закономерно принимала форму более или менее замкнутого в стилистическом отношении фрагмента изложения — форму риторической тирады. От одной тирады к другой тираде — таково обычное для него движение речи.

Каждая тирада — целое словесное сооружение, часто очень изобретательное. Но в ее основе всегда лежит — и в этом ее существенный признак — чередование близких по значению и однотипных по синтаксической структуре предложений.

Широкое развитие Кирилла получила тирада, в наиболее чистом виде осуществляющая принцип амплификации. Ее особенности: густое скопление синонимов, строгая симметрия в расстановке слов каждого предложения.

«Но жидове ся на благодетеля гневають, и юдеи ропщють на чудотворца, израильтяне съвет творять на спаса своего, сынове Иаковли погубити мыслять, садужеи... на судище влекуть, и родьяне съборище съвокупляють..., книжници... пытаются родителю прозревшаго..., левгити дивяться, видяще ясно зрящего зеницю уродившагося без очю, старьци укаряють в суботу отверзшаго очи слепцю..., фарисеи... хулять чудотворца, жьрци изгоняють от съборища помилованного богомь, архиереи претяють прозревшему».¹

Наряду с тирадами указанного типа налицо у Кирилла и другие — более сложные по фактуре, стилистический рисунок которых определяется той или иной риторической фигурой.

Тирады, построенные на анафорическом повторении одного и того же слова или словосочетания в начале предложения:

«Верую, господи, и кланяю ти ся! Верую в тя, сыне божий, и прославляю тя! Верую, владыко, и проповедаю тя...! Ты бо еси, о немь же писаша пророци, дозяще духомь твоего вчеловечения. Ты еси, его же прообразиша патриархи агньца божия, всего мира грехы взяти хотящаго. Ты, господи, сам еси, о немь же учиша законодавци... Тобое бо дасться власть всяка и сила на небеси и на земли. Тебе вся вся тварь бездушная послушает раболепно, и всяко дыхание видимое и невидимое знает тя, своего творца и владыку».

Тирады, где чередуются риторические вопросы, на которые каждый раз даются ответы — то отрицательные, то положительные:

«Како начну или како разложю? Небом ли тя прозову? Но того светлей бысть благочестьем... Землю ли ты благоцвещую нареку? Но тоя чещней ся показа... Апостолом ли ты именую?»

¹ Текст и здесь и ниже цитируется по изданию И. П. Еремин Литературное наследие Кирилла Туровского — ТОДРА, т. XIII М—Л, 1957, стр. 409—426, т. XV, М—Л 1958, стр. 331—348

Но и тех вернее и крепчею обретеса . Священомученикомъ ли ты нареку ? Аще бо и не въгрузися в твоя перси оружие, ни пролься твоя от меча кровь, но изволением и верою по Христе положил еси душу»

Тирады, основанные на антитезе; своеобразие их в том, что риторическая «цезура» делит в них каждое чередующееся предложение на две противоположенные одна другой части, резко различные по интонационной окраске:

«Пред вчерашним днем господь наш Иисус Христос яко человек распинаем бе и яко бог и солнце помрачи и луну в кровь преложи...; яко человек вослив испусти дух, но яко бог землю потрясе...; яко человек в ребра прободен бысть, но яко бог завесу перваго закона полма раздра: ... яко человек во гробе положен бысть и яко бог олтаре язычкския църкве освяти».

Пышный — соответственно празднику — стилистический узор речей Кирилла порожден, впрочем, не столько риторическими фигурами (количество их ограничено), сколько различной комбинацией этих фигур даже в пределах одной и той же тирады.

В словах Кирилла Туровского все чередуется, и это сообщает им своеобразный внутренний ритм. В рамках слова чередуются тирады, в рамках тирады — предложения, в рамках предложения нередко — созвучные окончания (течяху — вопяху, потрясошася — ужасошася, пение — учение и пр.).

Это двойное и тройное чередование иногда принимало еще более усложненный вид, когда Кирилл отдельные тирады объединял в одну. Обычно делал он это следующим образом: сходные по теме тирады нанизывал на один и тот же стержень — на слово или словосочетание, неизменно повторяющееся в начале каждой тирады. Такая сверхтирада — одно из наиболее эффектных технических достижений ораторской прозы Кирилла; она напоминает собой большой вращающийся круг, внутри которого, вмонтированные один в другой, вращаются другие круги меньшего объема. Построение этого типа таит в себе, правда, одну опасность: вращение может стать бесконечным, так как предела ему в принципе нет; оно может закончиться, но достаточно толчка извне (перехода, допустим, от антитезы к анафоре), чтобы оно возобновилось снова. Кирилл хорошо понимал, чем это грозит. С целью избежать монотонии он принимал соответствующие меры: менял опорное слово чередования, варьировал стилистический рисунок той или иной тирады, временно нарочито приостанавливал вращение — цитатой из писания или риторическим восклицанием («Оле тайн откровение и пророческих писаний раздрешение!») и, наконец, прекращал его, когда это подсказывало ему чувство меры и времени.

В композиционном отношении слова Кирилла Туровского построены по четкой схеме. Каждое слово делится на три более или менее самостоятельные части: вступление, часть центральную — изложение, заключение. Объединенные единством стилистического строя слова в целом, они, однако, имеют и некоторые свои, только им присущие художественные особенности.

Вступление — часть речи, которой Кирилл Туровский придавал, и не без оснований, большое значение: текст хранит следы очень тщательной, заранее обдуманной работы. Кирилл, конечно, не мог не понимать, что успех речи в значительной мере зависит от того, как вступление будет построено. Здесь надо было сказать нечто такое, что, не предвосхищая содержания слова, тем не менее могло положить ему основание, притом ска-

зять так, чтобы сразу же привлечь внимание слушателей, заставить их насторожиться.

Вступительная часть речи у Кирилла невелика по объему и немногословна. Обычно он говорил здесь или о празднике, которому слово посвящено, или о себе самом: выражал радость по поводу наступления праздника, приглашал слушателей присоединиться к нему и совместно прославить виновников торжества, высказывал сожаление, что «ум» его бессилен должным образом «хвалу к хвале приложить», даже просил, например в слове седьмом, пророка Захарию облегчить ему задачу — прийти на помощь и положить «начаток» слову.

Это условно-риторическое и во многом традиционное в ораторской прозе содержание Кирилл искусно обогащал новыми вариациями.

Первые строки вступления у него всегда носят подчеркнuto афористический характер. Краткие, строго симметричные по форме и поэтому особо значительные, они звучат, как фанфары, возвещающие о начале торжества: «Велика и ветха сокровища, дивно и радостно откровение, добра и сильна богатства, нескудно ближним даемии дарове»; «Неизмерна небесная высота, ни испытана преисподняя глубина, ниже сведомо божия смотрения таинство» и т. п.

Избранную для вступления тему он развивал чаще всего не прямо, а косвенно, при помощи развернутого сравнения, в фокусе которого она и получала свою художественную конкретизацию, — сравнения редкого, необычного, построенного на игре отдаленными аналогиями. Такого рода сравнениями он добивался важного художественного результата; они были рассчитаны на то, чтобы заполнить собой условно-риторическую «пустоту» темы и одновременно ошеломить, ослепить слушателей своей неожиданностью, своей яркой живописностью. Праздник он, например, сравнивал с блеском золотой «пленицы» (пленица — головное украшение), украшенной жемчугом и драгоценными камнями; радость по случаю наступления пасхи после скорбных дней страстной недели — с радостью, какую испытывают жена и дети, когда неожиданно из дальнего странствия возвращается домой их муж и отец (в некоторых списках сравнение это отсутствует; видимо, в этом контексте, применительно к пасхе, оно казалось несколько смелым). Слово восьмое, посвященное разоблачившим еретика Ария отцам Никейского собора, свидетельствует, что тема вступления развертывалась Кириллом и на основе двойного сравнения, в данном случае насыщенного образами и фразеологией словесной батальной живописи. Отцы собора здесь сперва сопоставляются с воинами, которые «крепко» бьются за своего «цесаря» и не дают «в брани плещю врагом», а затем — с библейским Авраамом и его доблестными соратниками, одержавшими победу над враждебными ему царями (Бытие, XIV, 14); одно сравнение перерастает в другое, последнее слово первой тирады («ополчишася на еретики святии наши отци. . . , их же число 300 и 18, по числу древняго Авраама») дает начало новой тираде, построенной по иному принципу — уже не столько аналогии, сколько противопоставления («Аврам телесную створи победу видимым воем, а си в духовней содолеша рати. . . , Аврам пять цесарев с силами их погуби. . . , а си вся еретики духовными иссекоша мечи»).

Центральная часть речи у Кирилла Туровского всегда повествовательная. За исключением восьмого слова, в основе которого лежит церковно-исторический сюжет (рассказ о первом вселенском соборе 20 мая 325 г.), все остальные слова в центральной части содержат пересказ того или иного соответствующего празднику евангельского события. Но пересказ особого типа, вольный. Излагая евангельский сюжет, Кирилл тоже подвергал его амплификации — на этот раз сюжетной.

Иногда он ограничивался простым распространением отдельных эпизодов евангельского рассказа. Но гораздо чаще прибегал к амплификации более сложного вида: дополнял сюжет подробностями, отсутствующими в источнике. Вводил новые эпизоды; если евангельский текст давал для этого повод, широко пользовался прямой речью — заставлял героев повествования обмениваться речами, произносить длинные монологи. В изложении Кирилла евангельские события — небольшие мистерии (в составе слова); действие их разворачивается то на земле, то на небе — в раю, то в преисподней; наряду с людьми участие в действии принимают и небожители, и сатана с подручными ему полчищами демонов. В передаче евангельского сюжета Кирилл допускал вымысел, но с целями чисто художественными и в пределах, в каких это позволяли себе его литературные предшественники или современные ему иконописцы, изображая «праздники».

Рассказ Кирилла о вознесении Христа на небо — типичный пример его интерпретации евангельского сюжета. О событии этом евангелисты сообщают очень кратко (Марк, XVI, 19; Лука, XXIV, 50—51), Кирилл — с подробностями, напоминающими частично иконописные изображения того же сюжета. Действие у него происходит на горе Елеонской (Деяния, I, 4—9). Здесь, на горе, в ожидании вознесения Христа несметные толпы праведников — библейские праотцы, патриархи, пророки, апостолы, святые, мученики. Среди них Христос (ср. фреску «Вознесение» храма Спаса-Нередицы). На небе радостное смятение. Серафимы, херувимы, архангелы ждут Христа; одни воздвигают ему престол, другие собирают в стаи облака на «взятие» его. Готовятся к встрече и небесные светила; они украшают собой небесные просторы. Христос благословляет всех предстоящих ему на Елеонской горе. На землю спускается светлое облако, Христос становится на него и, поддерживаемый крыльями ветров, начинает возноситься, неся с собой в дар отцу души праведников. Ангелы сопровождают Христа, они спешат к вратам рая, просят стражей, охраняющих врата, отворить их, ибо Христос уже приближается. Но стражи отказываются: они не откроют ворот, пока не услышат гласа господня. Ангелы настаивают, но стражи неумолимы. Тогда раздается глас Христа: он просит открыть ворота. Узнав Христа, стражи небесные падают ниц, врата раскрываются. Христос проходит в рай, где встречает его дух святой. В конце рассказа чисто иконописный по рисунку апофеоз: на престоле восседают бог-отец и в венце из драгоценных камней бог-сын в окружении серафимов, поющих им хвалу.

Приступая к повествовательной части речи, Кирилл обычно перебрывал мост от прошедшего к настоящему, пытался слушателей сделать непосредственными свидетелями евангельского события. Он пользовался разными способами, чтобы поддержать эту иллюзию. Глаголы систематически употреблял в настоящем времени, отдельные эпизоды повествования (тирады) начинал словами «днесь», «ныне», прямо приглашал слушателей, в начале рассказа, стать участниками излагаемого события: «Поидем же и мы ныне, братие, на гору Елеонскую умошь и узрим мысленно вся преславная, створившаяся на ней!»; «Взидем ныне и мы, братие, мысленно в Сионскую горницу, яко тамо апостоли собрашася и сам господь Исус Христос, затворенным дверем, посреде их обретеся». В результате все смешалось: далекое становилось близким, прошлое — сегодняшним днем.

Иллюзия становилась почти явью, когда Кирилл в тех же целях евангельский рассказ дополнял описанием весеннего расцвета природы. Дважды весна у него выступает соучастницей евангельских событий. И в этом нет ничего неожиданного: праздники, в честь которых Кирилл

составлял слова, отмечались церковью как раз в весеннюю пору года. В слове «на неделю Цветоносную» описание того, что творится тут же рядом, за стенами храма, кратко завершает собой повествование, в слове «на неделю Фомину» — предшествует ему. В обоих случаях картина условна: указываются одни лишь самые общие, постоянные признаки, и все же весна в изображении Кирилла — настоящая весна: ярко светит солнце, зеленеют деревья, благоухают цветы, разливаются реки, сооружая соты, перелетают с цветка на цветок пчелы, на лугах пасутся стада, играет на свирели пастух, а на полях уже «ралом» бороздят землю пахари.

Картина весеннего обновления природы, вставленная в евангельский сюжет, «приближала» его к слушателям. Но и сама она, на фоне сюжета, осложнялась в своем художественном содержании. Между природой и евангельскими событиями устанавливалась зримая таинственная связь; ликующая весна, по замыслу Кирилла, должна была напомнить слушателям обновление человечества во Христе.

Иносказательное значение приобретали в обработке Кирилла Туровского и другие евангельские сюжеты. В научной литературе даже высказывалось мнение, что сюжет интересовал Кирилла не сам по себе, а преимущественно как материал для аллегорического иносказания. Это, однако, не так. Разного рода аллегории, действительно, сопровождают его рассказы евангельских событий, но занимают в них сравнительно очень скромное место; есть слова, где они вообще отсутствуют (четвертое слово, восьмое). Аллегорическое иносказание никогда не было основной целью Кирилла, и в этом его коренное отличие от церковных писателей так называемой александрийской школы. Он никогда не подчинял текст писания какой-либо определенной, строго продуманной богословской концепции. Свои аллегорезы Кирилл, скорее поэт, чем богослов, изобретал, руководствуясь не столько логическим анализом текста, сколько чувством, радостно взволнованным в обстановке праздничного богослужения. Содержание их носит поэтически зыбкий, целиком на понятия не разложимый характер. Все они варьируют одну и ту же в сущности мысль; наиболее четко он сформулировал ее в слове «на неделю Фомину» цитатой из второго послания апостола Павла к коринфянам: «Днесь ветхая конечь прияха, и се быша вся нова» (V, 17). Рассеянные в разных местах повествования аллегории Кирилла и по самой своей природе ничего общего не имеют с богословской экзегезой писателей александрийского направления. У Кирилла аллегория не столько толкование текста в общепринятом тогда смысле этого слова, сколько «украшающий» изложение троп. Художественное его назначение: дать слушателям почувствовать, что евангельский сюжет и в целом и в отдельных своих частностях помимо прямого имеет еще и прообразное значение, содержит в себе различные «преславные тайны». Не случайно под пером Кирилла его аллегории часто редуцируются, обнаруживают тенденцию к превращению в сравнения или в особого вида метафоры — раскрытые, обнажающие свой иносказательный подтекст. Из таких метафор, например, едва ли не целиком состоит его, в слове третьем, картина весеннего торжества природы («Ныня ратаи слова, словесныя уньца к духовному ярму приводяще, и крестное рало в мысленых браздах погружающе, и бразду покаяния прочертающе, семя духовное всыпающе, надежами будущих благ веселяться»).

В XII в. в литературе древней Руси уже успели выработаться разные жанры повествования — летописного, агиографического. Слова Кирилла Туровского в центральной своей части утвердили в литературе той эпохи еще один тип повествования — риторического. Резкое ослабление нарративного начала — наиболее характерная его особенность.

Изучение показывает, что Кирилл Туровский очень дорожил художественным единством своих ораторских произведений. С целью сберечь это единство он иногда почти полностью повествование растворял в риторическом строе того произведения, в состав которого оно входит. Таков, допустим, его рассказ о входе Христа в Иерусалим в слове первом; нарративная его природа едва ощутима. Рассказ разбит на дробные эпизоды, и все они, с сопутствующими им комментариями, излагаются в форме чередующихся риторических тирад. С той же целью Кирилл нередко подменял повествование прямой речью — диалогами и монологами героев рассказа. В этом случае на долю собственно повествования оставалось очень немного: задача повествования заключалась в том, чтобы связать в одно целое эти диалоги и монологи, дать им необходимое сюжетное обрамление. К последнему способу Кирилл прибегал тем охотнее, что прямая речь у него ничем в сущности не отличается от речи косвенной, авторской, — разве несколько иной синтаксической структурой, более короткими предложениями.

Прямая речь у Кирилла риторически условна; в слове третьем, например, в беседе с апостолом Фомой Христос цитирует писание, ссылается на пророков — Исаию, Даниила, Иезекииля, сам выясняет прообразное значение своих поступков, т. е. делает то, что с равным успехом мог бы сделать за него и автор. Она никогда не носит у него заметного выраженного индивидуального характера — в зависимости от персонажа, которому поручена, или от той или иной сюжетной ситуации. В этом отношении все монологи героев Кирилла однотипны. Единственное исключение — плач богоматери у ног распятого Христа в слове четвертом; плач соответственно ситуации трогательно лиричен; установлено, что Кирилл, составляя его, опирался на гимнографический образец — на приуроченный богослужебным уставом к великой пятнице канон Симеона Метафраста.² Каждый монолог у Кирилла по стилистическому строю своему как бы в миниатюре воспроизводит слово в целом: то же чередование тирад, тот же характерный ритм, рожденный этим чередованием, те же риторические фигуры. Перед нами своеобразная «речь» в речи, составленная не менее изобретательно. Некоторые из этих «речей» — образцы высокого риторического искусства. Плач, допустим, в слове четвертом Иосифа Аримафейского у гроба господня, замечательный изысканным сочетанием анафоры с антитезой, осложненным переключкой однозвучных слов в каждом из чередующихся предложений: «Солнце незаходяй, Христе, творче всех и тварем господи! Како пречистемь прикоснуса теле твоемь, неприкосновенну ти сущу небесным силам, служащим ти страшно! Кацемъ же плащаницами обию тя, повивающаго мгылоу землю и небо облакы покрывающаго! ... Кыя ли нагробныя песни исходу твоему воспою, ему же в вышних немолчными гласы серафими поють...! Како ли в моемь худемь положю тя гробе, небесный круг утвердившаго словомь и на херовимех с отцемь и с святымь почивающаго духомь!». Или речь Христа в слове об исцелении расслабленного, где антитезы поддерживаются двумя рядами анафорически повторяющихся словосочетаний. «Человека не имам», — жалуется расслабленный Христу. Тот подхватывает эту фразу и на ней строит свой ответ: «Что глаголеши: человека не имам? Аз тебе ради человек бых — щедр и милостив, не солгав обета моего вочеловечения ... Тебе ради, горьняго царства скипетры оставль, нижним служа обхожю

² М. И. Сухомлинов. Исследования по древней русской литературе. СПб., 1908, стр. 296—298; В. П. Виноградов. Уставные чтения. III. Очерки по истории греко-славянской церковно-учительной литературы. Сергиев Посад, 1915, стр. 121—124.

... Тебе ради, бесплотен сы, плотию обложихся, да всех душевныя и телесныя недугы исцелю. Тебе ради, невидим сы ангельским силам, всем человеком явихся ... И глаголеши: человека не имам!..». Подменяя повествование такого рода речами, Кирилл Туровский только возвращался к привычной для него ораторско-риторической форме изложения.

Завершал Кирилл свои «праздничные» слова обращением: или к слушателям с призывом еще раз прославить праздник, или к героям повествования с «похвалой» им и молитвой. Самая примечательная особенность заключительной части речей Кирилла — редкое даже у него нагромождение близких по значению слов и словосочетаний. В речи «на Вознесение», например, читается в «похвале» Христу длинный перечень его щедрот; Кириллу понадобилось восемнадцать глаголов, чтобы эти щедроты охарактеризовать: «отверзает праведником рай»; «посылает страсто-терпцем чудес благодать»; «отпускает грешником прегрешения»; «милует вся творящая волю его»; «укрепляет на терпение мнихы»; «благословляет вся крестьяны» и т. д. То же скопление, на этот раз прославляющих эпитетов и сравнений, находим в «похвале» отцам Никейского собора: «реки разумнаго рая»; «земнии ангели»; «высокопарящий орли»; «необоримии гради»; «непоколеблени столпи»; «вернии недремлющи святые церкви стражеве»; «чистии сосуди, божие слово в себе носяще»; «богоноснии облаци, иже чудотворьными каплями одождающе верных сердца»; «красныя обители, в них же святая почиваеть троица»; «невядающии цвети райского сада»; «небесного винограда красныя леторасли» и пр. Такое обилие однотипных словосочетаний могло бы показаться чрезмерным, если бы здесь — в конце слова — оно не имело определенного художественного назначения. Готовя финал, Кирилл — опытный мастер — подымал слово на предельно высокую ступень риторической эмфазы. В той же празднично-торжественной тональности, в какой слово начиналось, оно должно было, по замыслу Кирилла, и закончиться.

«Праздничные» слова Кирилла Туровского написаны в жанре — одном из древнейших в христианской литературе; тесно связанный с богослужбной практикой, он уже в IV в. достиг блистательного расцвета у таких мастеров греческой ораторской прозы, как Иоанн Златоуст, Григорий Назианзин, Елифаний Кипрский. Установлено, что Кирилл внимательно изучал их творения не только в переводе, но, возможно, и в оригинале.³ Риторика Кирилла по своему происхождению несомненно восходит к риторике этих его предшественников. В словах Кирилла обнаруживаются даже прямые реминисценции из указанных авторов. Так, например, Григорию Назианзину он был обязан некоторыми подробностями своего описания весны в слове третьем;⁴ Елифанию Кипрскому (его изображению нисшествия Христа в ад) — отдельными деталями рассказа о вознесении Христа на небо.⁵ Творения классиков церковной ораторской прозы были для Кирилла неисчерпаемым источником вдохновения. Из этого источника он, как, впрочем, и многие другие его предшественники, более близкие по времени, византийские и болгарские (Климент Охридский, Иоанн Экзарх), брал то, что по ходу речи казалось необходимым. Правда, случаи дословного заимствования встречаются у него сравнительно редко; это или от-

³ В П. Виноградов Уставные чтения, стр. 172 и сл. Вопрос о том, в какой мере Кирилл Туровский владел греческим языком, еще нуждается в дополнительном исследовании.

⁴ М. И. Сухомлинов Исследования по древней русской литературе, стр. 304—308, A. Vaillant Cynlle de Turou et Grégoire de Nazianze — Revue des études slaves Paris, 1950, t XXVI, стр. 34—50.

⁵ В П. Виноградов Уставные чтения, стр. 141—142.

дельные обороты речи, или метафоры, принадлежащие разным авторам и, видимо, цитируемые по памяти. Как правило, взятое у своих предшественников Кирилл всегда перерабатывал, подчиняя собственному художественному замыслу. Перед нами не литературное подражание в современном смысле этого слова, а проявление типично средневекового пуризма в вопросах формы — забота о «чистоте» жанра, стремление свои произведения поставить в прямую преемственную связь с общепризнанными образцами.

Свой вклад Кирилл Туровский как оратор внес и в развитие современного ему литературного языка древней Руси. Обращает на себя внимание необыкновенная гибкость, какую он сумел придать языку церковной письменности той эпохи; славянский язык оказался под пером Кирилла способным выразить все и скорбную лирику плача богоматери, и обличительный пафос отцов первого вселенского собора, и неизменно ликующий «восторг» самого автора. Вот пример, из которого следует, что средствами этого сугубо книжного языка Кириллу порою даже удавалось передавать строй живой разговорной речи. В слове пятом есть сцена встречи у Овчей купели Христа с расслабленным; на вопрос Христа, хочет ли он исцелиться, расслабленный отвечает так: «Ей, господи! Хотел бых, но не имею человека, дабы... ввергнл мя бы в купель. Но аще мя еси о здравии, владыко, вопросил, то крѣтце послушай моего ответа, да ти своя болезни напасть исповеде. 30 и 8 лет на одре семь недугом пригвожден съ лежю. Мною вси глумятыся, аз же сугубо стражу: утрьду болезнь клещити мя, внеуду досадами укоризньки стужаю си». Язык Кирилла Туровского — типичный славянский язык древнерусского извода. Из лексического запаса этого языка он отбирал преимущественно то, что уже успело стать прочным достоянием древнерусской литературной речи; встречаются в языке Кирилла и слова, как кажется, чисто русские ряднищи, присадити, съмясти, хупстися («въставити... хупеться»), уяти («ни у кого же вас уем мне дарова»), нетрудно, нехуде («нехуде опечалися»)

В одном из своих произведений Кирилл сетовал, что нет у него «огня святого духа», чтобы должным образом составить слово «Огня», быть может, и не было, зато было неоспоримое мастерство, которое уже современники оценили по достоинству. Слова Кирилла Туровского пользовались в свое время громкой известностью. Очень рано они были включены в сборники-антологии — «Торжественник» и «Златоуст», в составе которых вплоть до XVII в. и переписывались наряду с речами крупнейших классиков церковной ораторской прозы, — бережно и точно, редко подвергаясь редакционной переработке. «Златоуст, паче всех воссиявший нам на Руси», — писал о нем его древний биограф. В научной литературе существует предположение,⁶ что даже к лику святых Кирилл был причислен церковью (не позже, видимо, XIII в.) «и из соображений национального престижа», как выдающийся писатель, в искусстве «витийства» равный своим прославленным греческим предшественникам.

⁶ И. У. Б. вдовниц. Общественно-политическая мысль древней Руси (XI—XIV вв.) Изд. АН СССР, М., 1960, стр. 268